

к84.09(=448)
СЧ2
к-58060

Юрий СКВОРЦОВ

Здравное

БЕРЕЗА УГАХ

Летели сизы голуби по небу,
А по земле белы туманы плыли.

Из народной песни

1

Пусть вам солнце, мир светил
В эти дни прибавит сил.

К. Иванов

Угахви, семнадцатилетняя девушка, несколько раз просыпалась от сильной боли в левом предплечье. То ли рука попадала под бок, то ли еще что, но всю ночь она не знала покоя. Замаялась Угахви, и к груди прижимала руку, и в сторону отставляла, а боль не утихала. Наконец она ухватилась больной рукой за спинку кровати, и прикосновение холодного железа сняло боль. Устроившись так, она проспала часок или другой и, когда почувствовала в локте боль пуще прежнего, разжала пальцы. Вспомнились советы матери, как поступать в таких случаях. По ее словам, нельзя спать держась за что-нибудь железное, так как оно, холодное, высасывает все тепло тела.

И вправду, Угахви показалось, будто стынут у нее руки, а по спине ползут мурашки. В горле пересохло, язык прилип к небу...

Угахви, с вечера рухнув в постель в рабочей одежде, нащупала в темноте развязавшийся платок, медленно встала. Переступая через спавших на полу мать и двенадцатилетнюю сестренку, вышла в сени, на ощупь поискала ведро. Оно, наполовину пустое, заде-тое ее ногой, громко загремело в ночной тишине. Угах-

ви испуганно вздохнула, прислушалась — слава богу, никто не проснулся: уставшие за день мать и сестренка спали крепко, хоть бери и выноси все из избы...

Залпом выпила две кружки студеной воды, но легче ей от того не стало. Осторожно отодвинула засов двери, вышла на крыльцо.

Сколько же времени? Восток вроде уже голубеет. Но почему до сих пор не поют ранние петухи? Только и слышно, как в избе сверчки стрекочут.

Давно отвык от пенья соловей, и в кукушкино горло, видать, кость попала. Всего дней двадцать назад с одной стороны только еще вечерело, а с другой уже светало. А теперь все длиннее и длиннее ночь, скоро месяц, как прошло равноденствие.

По правде, какая уж она длинная, летняя ночь? Даже выспаться ее не хватает, вот и мучается изо дня в день девушка от недосыпания. Вместе с вечерними сумерками возвращается с жатвы и, не успев переодеться, замертво падает на кровать, даже сны смотреть нет сил и времени. Только легла, может, и не уснула еще, а уже пора вставать и идти в поле... И кажется Угахви, будто ночей не стало вовсе.

Но не жалуется Угахви, знает: наслаждаются блаженным сном только ленивые. А сладкий сон в мягкой постели да теплой избе в дни войны, когда сверстники-солдаты даже в полночь, не смыкая глаз, лежат под свинцовым дождем, ей кажется преступлением.

И хотя от недосыпания опухает лицо и мечтает Угахви о том, как бы выспаться, хоть разок, отдохнуть как следует, да так, чтоб все косточки размякли, — на людях она об этом не говорит ни слова.

До войны Угахви была живой, веселой и разговорчивой девчонкой. Теперь же, наломавшись на работе, что не каждому мужчине под силу, девушка изменилась: она уже не порхает легким шагом, почти не слышно и ее задорного голоса, а сама она частенько предается воспоминаниям...

Три недели назад вернулась Угахви из поселка Е., куда с подругами они уехали в августе прошлого года

рыть окопы. И чего только не перевидали за одиннадцать месяцев! На трескучем морозе тяжелым ломом долбили мерзлую землю, в ледяных бараках дрожали от холода и неизвестности...

...От набежавших воспоминаний Угахви аж съежилась и тотчас попыталась переключиться на другое.

Нет, не хочется ей вспоминать это! Да где и кому сейчас легко? На фронте, в тылу?.. Вон в колхозе жнут хлеба вручную: нет мастеров налаживать жнейки, да и запрягать в них некого — кони, как и мужчины, в армии. Все: и пахота, и сев, и уборка — все на женщинах.

А мало ли надо фронту еды, одежды?

...Угахви, остановившись на ступеньке, подняла голову и поглядела в небо, стараясь определить, который час.

Созвездие Ориона уже перевернулось, Млечный Путь заметно переместился по бледноватому кругу. На востоке заалело.

Девушка решила больше не ложиться: если лечь, то потом очень мучительно вставать.

Угахви накинула на голову платок, завязав его чуть ли не на затылке, как это делают старушки, оправила платье. Затем вынула серп, воткнувший в щель бревна, и через калитку, сколоченную из жердей, бесшумно вышла на улицу.

Трава покрылась серебристой росой. Над прудом клубился туман, белый и легкий. Вокруг не видно ни души, не слышно ни звука, деревня словно накрылась серой попоной.

Угахви перешла улицу, спустилась в овраг и, миновав плотину, свернула в другой конец деревни. Вышла на луг, околицей поднялась на холм, зашагала тропинкой вдоль огородов. Тропинка привела ее в маленькую рощу, которая то ли начиналась, то ли кончалась здесь, за огородами. В давние времена она, видимо, примыкала к густому лесу, раскинувшемуся на северо-западе, но потом вместе с деревней отстала от него на версту.

За лесом, на краю ложбины Мартина, — рожь.

Угахви, сама того не замечая, приостановилась на опушке и вздрогнула. В ночном лесу, ясное дело, не очень-то весело, какой-то холодок закрадывается в душу. Боязливо отводя орешник, она выбралась на небольшую полянку. В это время где-то неподалеку захохотала лесная сова.

А тут еще посреди поляны показалась чья-то черная тень... К тому же, справа, между деревьями, что-то трещит, хрустит, точно кто-то в новых лаптях прохаживается...

Услышь Угахви эти таинственные шорохи днем, обрадовалась бы как дитя; сейчас же девушка насторожилась, прислушалась, потом наклонилась и рассмотрела черную тень... Оказывается, выкорчеванный пенёк!

«Чего только не примерещится ночным глазам», — укорила себя Угахви, и какое-то непонятное чувство заполнило ее сердце: ей одновременно было и страшно и весело. «Тебя, лесочек, я не боюсь. Я тебя люблю, и ты меня радуешь. Мне хочется расправить крылья и божьей коровкой броситься в твои объятия», — проговорила она вслух.

У ночного леса своя, жуткая, красота. И этот огромный темный лес — единственный верный друг Угахви, только с ним делится она самым сокровенным, сердечным. Даже с Ольгой и Хветли не разговаривает так много и душевно, как с природой. Подолгу может Угахви рассказывать какому-нибудь безмолвному деревцу красивые сны, увиденные накануне вечером, сама подолгу слушает вековые думы гордых крон, и, благодарная, поет им невеселые песни о детском счастье. Угахви, как и все чувашские девушки, в песнях изливает свои печали и горести. Никто не разгадает потаенных мыслей чувашки, не услышав ее песен. И она не станет петь перед каждым. Даже перед подругой; а может, и перед мужем тоже...

Если ты не слышал, как разговаривает человек со своим другом, то не понять тебе его. Точно так же не узнаешь Угахви, не побывав в ее любимых лесах, полях и лугах...

Бывало, зашумит лес, и Угахви, вспоминая что-то древнее, превращается в часть сердца леса: по прошлому скорбит, по ушедшему плачет... Ее безоблачная душа — это отзвук трепетной души живого края. Какой тоской щемило девичье сердце беспокойство леса, какой страшной болью отзывались в нем леденящие ветра и грозные тучи, заволакивающие небо!

Лес тоже пел: пели птицы, молча плакали деревья, листья шелестели... Угахви обнимала коростливый осиновый ствол и склонялась над каждой веткой задумчивой липы, похожей на зеленый фартук. И смеялась, и рыдала...

Угахви спустилась в овраг. Ступила вперед — и завязла в грязи. Днем овраг казался помельче и посуше, и снопов не было в ложбине. Не другая ли это тропинка?..

Зашумел, проснулся замороженный лес.

Послышался свистящий взмах крыльев. Отпрыгнула в сторону жаба. Закричала сова. Жалобно запищала какая-то странная птица:

— Ша-ан!

— Ша-ак!.. — начал вторить ей слезный голос.

Говорят, Шан и Шак были братьями. Но они часто ссорились друг с другом, и родители невзлюбили их за это и однажды ночью, когда они спали, привезли их в лес и оставили там. Проснулись Шан и Шак от холода, осмотрелись — никого нет, и давай колотить друг друга. Увидела их добрая сова, не понравилась ей злые мальчишки, и она, подлетев поближе, ударила их крыльями. Шан и Шак превратились в маленьких домовых сычей и полетели в разные стороны. Им было очень горестно, они горько каялись, что не послушались матери, но чем больше искали они друг друга, тем дальше расходились...

«Ах, бедные, неужто не суждено им встретиться, найти друг друга?» — с жалостью подумала Угахви. Ей пришло на память письмо Коли, в котором он жалел о том, что они так и не подружились, хотя жили в одной деревне. «Нас тоже, верно, как Шана и Шака, сова разлучила», — писал Коля.

Перебравшись через овраг, Угахви зашагала по глинистому косогору, затем вышла на узкую змеистую тропинку, и вдруг по ее спине пробежали мурашки...

Два искрящихся зеленых глаза перегородили девушке дорогу.

Угахви остановилась. В голове промелькнуло, что надо бежать назад, но сделать это у нее не хватило сил.

— А-а, да это кошка! — присмотревшись, обрадованно воскликнула Угахви.

Перед ней действительно стояла серая худая кошка; днем, на солнце, должно быть, у нее шерсть рыжая-рыжая, в пепельных пятнах.

«Интересно, чья она? — Угахви силилась узнать кошку. — Похоже, кто-то нарочно бросил ее в лесу...»

Вдруг кошка быстрым движением прижалась к земле и резко подпрыгнула. Ее юркие глаза загорелись дикой пронзительной ненавистью.

Угахви почувствовала, как в грудь вцепилось что-то тяжелое и повисло увесистым грузом. Все тело ее напряглось — в него вонзились молодые острые когти.

Зверь царапался иступленно и бешено: девушке казалось, будто по ее лицу, шее, рукам скользит множество лезвий...

Угахви, изловчившись, схватила с плеча серп и замахнулась на кошку. Кошка бросилась на землю, но через мгновение снова кинулась на нее, укусила в плечо и с воплем прыгнула на сук липы, росшей поблизости.

Девушка попятилась назад. Два шага, три, пять, десять...

Кошка оставалась висеть в той же позе, ее лихорадочные глаза жадно смотрели на Угахви... Вскоре деревья скрыли ее, а Угахви повернулась к ней спиной и побежала вперед...

Прибежала на поле, не чуя под собой ног. Казалось, с ее лица, рук и груди живьем содрали кожу. Кончиками пальцев коснулась раны, кровь была густая и жаркая. «Что же это за зверь? — думала девушка, тяжело дыша. — Дикая кошка, что ли?..»

Ей было очень больно, хотелось плакать. Но она встала на краю полосы ржи, отмеренной ей вчера, и поспешно начала жать. Старательно подрезая стебли под самый корень, трудилась не поднимая головы и даже не заметила, как рассвело. Влажные стебли срезались с каким-то тупым хрустом.

— Ох уж эта Угахви! — Услышала она вдруг за спиной голос Хветли. — Ты что, ночевала тут?

Оглянулась Угахви и удивилась: сноп за снопом выстроились на сжатом участке.

— Что ты, Хветли, я только вышла, — ответила Угахви, связывая очередной сноп.

— Так уж и поверила! Не меньше двенадцати соток отмахала!

Хветли пристально посмотрела на Угахви и тихо, испуганным голосом спросила:

— Угахви, что с тобой? Ты вся бледная, как полотно...

— Так ведь вышла на рассвете, вот и стала синей, как заря! — пошутила Угахви, поправляя платок на голове.

— Не шути, Угахви... Кто тебя исцарапал? И руки в крови...

Угахви села на сноп и рассказала, что произошло в лесу. Глаза Хветли наполнились слезами.

— Ах, Угахви, пожалела бы ты себя чуток! И когда окопы рыли, тоже... Зашла бы за мной, вместе бы пришли...

...Участки у подруг рядом, и работали они усердно. Как рано ни пришли люди, к их приходу девушки сжали очень много.

К обеду тут же, на поле, раздавали хлеб: на двенадцать сжатых аров один килограмм. Угахви и Хветли получили по три килограмма.

Как всегда, нашлись недовольные, подняли шум.

— Полоса-то у меня вон какая густая, попробуй поспей за людьми!.. Что я, вот за эту крошку работала? Смотреть не на что!

— А у меня хлеба стоят стеной, не то, что у других! Да еще, какие ломкие! — ругается вторая. — Все

умные, где пореже встали, подберут колосок через три шага — глядишь, всю полосу прошли...

И ну хвалить тощие хлеба!

— Озимые нынче у нас не ахти какие обильные, рано снег выпал, и все сгнило, а что не сгнило, то жара спалила, — говорит бригадир, Хромой Кондратий. — Так что я учитывал не только площадь, но и число копен. Нечего обижаться! Самые высокие и буйные хлеба достались Хветли и Угахви! Им бы надо по четыре кило дать, да вот лодырей жалеем.

— Не смей обзывать народ! Мы тоже не лентяи, мы работать хотим! — загудела толпа.

Бригадир поспешил исправить ошибку:

— Я не про весь народ говорю, а Федору Грибову браню!

— Жри сам! Сам и объедайся! — распаляется Федора. — Жри, лопай! Тебе же больше всех надо! Ты, как скотина, никогда, видать не наешься! В хлеву, говорят, трижды в жизни сыты бывают...

— Вот возьму и тебя слопаю вместе с твоими лаптами да онучами! — отшучивается бригадир.

— Ну сколько можно? Как ни выйдешь в поле, Федора — ян-ян-ян! — как заведенная! — заступались женщины за Кондратия. — Застегнула бы роток на все пуговки, а то уж уши вянут!

Бригадиру это не впервой, и он спокойным голосом говорит:

— Вот изгоним фашистов, тогда не будем из-за ломтя хлеба грызться.

Вскоре пришла молодая боевитая женщина по имени Тарье — председатель колхоза. В руках у нее газеты.

— Добрые вести! — крикнула она — Сегодня наши освободили город Ш...

Женщины торопливо собрались вокруг нее, и она начала читать громко, с воодушевлением.

Потом Тарье зачитала письмо из дружественной гвардейской дивизии:

— «Мы, гвардейцы Н-ской части, получили ваши подарки. Большое вам спасибо. Ваши подарки не просто

гостинцы, они — снаряды, летящие на врага с тыла. Постараемся оправдать ваше высокое доверие. Мы победим! Гвардейский братский салют вам, герои тыла!..» — Помолчав, Тарье предложила: — Родимые, сегодня мы опять должны послать нашим солдатам что-нибудь...

— Надо бы, конечно, — соглашаются женщины.

— А сами-то как будем жить? — огорчается кто-то.

— Сами как-нибудь. Сейчас лето, — зашумели женщины. — Как в песне поется: «На завтрак — земляника, а к обеду — клубника...» Переживем!

Работы невпроворот. Вот-вот осыплются хлеба. Полег от жары овес. Поникли колосья ячменя. Лопаются стручки гороха.

Угахви с Хветли собрали на полянке по пригоршне клубники и поели с хлебом. Спустились в овраг, попили свежей родниковой воды.

Душно. Только родник в глубине оврага хранит ночную прохладу.

Подруги присели в тени под деревом и взялись за спицы: им выдали по два килограмма шерсти — связать для фронтовиков варежки и носки.

Над головой палящее солнце. Сухая жгучая жара. Такое ощущение, будто все тает и растворяется.

Неподалеку запела какая-то странная птица: ее протяжный и в то же время ломкий голос был так ярок, словно где-то точили ножи... Подул раскаленный упругий ветер.

Зашевелились тонкие, как вязальные спицы, ветви черемухи и рябины, точно вяжут кружева из солнечных лучей... Девушки молчат. Каждая думает о своем.

На них нахлынули чистые прозрачные воспоминания...

2

Что с моей молоденькой головушкой? —
В ночи соловьиные и шумела, и кружилась.

Из народной песни

Угахви исполнилось пятнадцать, когда началась война. Она успела закончить восьмой класс, и теперь ей и ее сверстникам пришлось оставить учебу.

Вместо школы они наравне со взрослыми вышли на косьбу. Скошенная трава ложится в узкий ряд, и Угахви, стремясь взять вал пошире, машет косой изо всей силы, наклоняясь вперед, чтобы перенести тяжесть тела на косу.

От взрослых она не отставала — и сама на хвосте не висела, и никому наступать себе на пятки не давала.

«Как только не устает эта крошка?» — удивлялись женщины.

Нет, уставала Угахви. Иной раз так выбивалась из сил, что с ног падала. Руки дрожали от переутомления, болела спина, поясница ныла. По утрам ломило кости, словно накануне кто-то дубинкой избил.

И хотя было тяжело, и работали от зари до зари, молодое трепетное сердце девушки, изнывая от стонів односельчан, рвалось, стремилось в какой-то горячий светлый мир. Но не было на земле такого места, где бы можно было укрыться от черного беспросветного горя.

И лишь малые птички заливались по-прежнему. Они не сеяли, не жали, не собирали в житницы...

Вместе с женщинами выходил в поле красивый юноша, года на два постарше Угахви. Звали его Колей. Не раз видела Угахви его рисунки в школьной стенгазете — Коля мечтал стать художником и даже здесь, в поле, в перерывах постоянно что-то рисовал в блокноте.

Как-то раз, когда женщины сидели и судачили о чем-то, Угахви заметила, что Коля смотрит на нее во все глаза, потом отводит взгляд и через некоторое мгновение снова уставится. Угахви засмушалась, зас-теснялась, не зная куда деть руки. И вдруг поймала себя на мысли, что ей не хватает чего-то...

Не знала еще Угахви, что это такое — новое чувство. Нет-нет, вроде все было ясно, только уж очень томно и призрачно, не бывало тоскливо... Как-то в детстве ей довелось играть с Колей, и все смеялись над ними: «Тили-тили тесто, жених и невеста!..» Убежала тогда Угахви подальше от злых мальчишек. Гляди, и

сейчас засмеют. Не потому ли она сегодня не подошла к нему? Да и не рано ли еще?..

Однажды ясным солнечным днем они сгребали на лугу сено. И тут женщины окликнули Угахви:

— Угахви! Угах! Подойди-ка сюда, да поскорее!

Прибежала Угахви и ничего не поняла. Женщины рассматривали какой-то рисунок.

— Это же ты! Узнаешь себя?

На белом листочке была нарисована стройная длинноногая девушка, которая стояла, опершись на черенок вил, и о чем-то думала. Платок у нее сполз на затылок, тонкие каштановые волосы рассыпаны. Должно быть, устала, но все же всматривается в безбрежную искристую даль. Округлые девственные груди делают ее нежной и чувственной...

Вылитая Угахви! Только вот груди... Возможно, через год-полтора ее маленькие груди окрепнут, станут изящнее... Но зачем понадобилось художнику торопить время?

Взглянула Угахви на рисунок и тут же отошла в сторону. Окинула взглядом Колю. Коля мгновенно убрал этот рисунок, начал показывать другие.

— Это не я, — сказала Угахви, скрывая волнение.

— Ну что ты, Угах, — возразили женщины, — точно-точно ты!

Угахви хотела было объяснить им, почему та красивая девушка не она, но вместо этого сердито проговорила совсем другое:

— Маются дурью от нечего делать!

Коля молча собрал свои рисунки.

Угахви стало жаль его. Она стояла и смотрела на него сочувственно, как бы извиняясь. А Коле захотелось броситься к Угах и осыпать ее поцелуями. Но это была всего-навсего бескрылая и жалкая мечта...

Помнится, была у них тем летом еще одна встреча.

Угахви досталась большая тяжелая коса с длинным черенком и очень тупая. Замучилась Угахви. И тут Коля взял да и подошел к ней, сорвал высокую травинку, измерил поперечную ручку, отложил сколько нужно

до лезвия и вынул клинышек. Поправив косу, закрепил, поточил...

— Когда косишь, не налегай на косу, — посоветовал Коля взволнованным ломким голосом.

— Спасибо... — шепотом ответила Угахви.

Не начини тогда женщины хихикать, возможно, нашлось бы у нее словечко и поласковее...

— Поженить их надо, — заметила одна. — Смотряка, работничек что надо, грех жаловаться.

— Нет, — сказал Ванька, высокий и крепкий парень, — для меня растет она. Не так ли, Угах?

Угахви покраснела, на некоторое мгновение пришла в замешательство, но, испугавшись, что совсем засмеют, бойко ответила:

— Так что же делать, русалки-то за тебя не хотят!

— Я ведь старик уже, не молодо-зелено, как Коля. Немало каши съел на своем веку, — сделал вид, что обиделся Ванька.

— Да не старей уж дурачком, милый ты мой!

— Молодец, девка, всяк к ней не прилипнет! — обрадовались женщины за Угахви и стали тешиться над Ванькой: — Ты, Вань, сам как огурчик, а щечки у тебя — помидорчики. А лицо у тебя такое уморительное, животики надорвешь!..

Быстро пролетела зима.

Угахви связала за зиму около пятидесяти пар варежек и носков. Ей пошел шестнадцатый год. Коле уже семнадцать.

Как-то теплым майским вечером, возвращаясь с поля капусты и огурцов, Угахви узнала, что завтра утром единственные парни в деревне — Ванька с Колей — уходят в армию.

Заходящее малиновое солнце плакало огненно-красными слезами. Бесшумно клубились ватные розоватодымчатые облака. Пепельно-белая ночь звала в свои объятия. В застывшем вкусном воздухе пахло богородской травой. Благоухали сныть и борщевник...

Ах!..

Угахви выбежала на улицу.

Неподалеку от их дома, рядом с летней кухней, на бревнышках сидят Ольга, Хветли и Ванька с Колей.

Угахви присела рядом с Колей. Сидели безмолвно.

Шутки не шутились, песни не пелись.

У всех был понурый, печальный вид. Колю охватили горькие безрадостные чувства. У Угахви на сердце кошки скребли.

Только глаза, бездонные блуждающие глаза, бегали и искрились...

Заглянет Коля сбоку украдкой в блестящие глаза Угахви — и та опустит голову, затем мельком посмотрит на него — и опять отводит взор...

В невеселую игру играли глаза — в прятки.

Вскоре они остались вдвоем. Не знали, что делать и о чем говорить. Не знали даже, как расстаться.

Угах заторопилась домой. Коля взял ее за руку:

— погоди!..

Не закапризничала Угахви, но скромно отвела его руку. Она стояла, прислонившись к калитке.

— Завтра с утра выезжаем, — доносился до нее далекий Колин голос.

Сердце кровью обливалось у Угахви. Хотелось плакать и кричать.

Только соловьи не плачут.

«У-у-угах-хви-и-и!.. Угах-ви, Угах-ви!.. Стой-стой-стой!.. Сейчас, сейчас!.. Замолчи-молчи-молчи!.. И-и, нетерпеливая!..» — разливаются их залиvistые гладкозвучные голоса.

— Я пойду, — говорит Угахви, скрепя сердце. — Я... пойду... возвращайся скорей... с победой...

— Угахви!.. — Голос у Коли слезный, умоляющий.

Угахви, что-то вспомнив, быстро сунула руку в карман фартука.

— Храни вот это... На память... обо мне...

— Угахви! — говорит Коля горько и медленно, будто слова его вращаются вокруг косточки, засевшей в гортань. — Сохраню, Угахви! Сохраню!..

Угахви готова простоять с ним всю ночь, только бы продлить этот миг! Она бы продлила его на всю жизнь!

Но вот ее рука невольно отыскала изогнутую скобу и открыла калитку.

— Ты не плачь... — прошептала Угахви вполголоса. — Мне надо идти...

— Угахви, подожди!...

На какое-то мгновение Угахви остановилась.

— Угахви, стой!...

Угахви направилась к дому.

— Угахви, ну на минутку!...

— Поздно уже, Коля. Даст бог, завтра увидимся...

Еще один шаг оставался до крыльца.

«Окликнет — сразу обернусь, — загадывает она. — Лишь бы позвал...»

— Доброй ночи, — говорит она ему сдавленным голосом.

Все эти слова она произносит просто так, ради приличия. Ей тоже не хочется уходить. Может, еще больше, чем ему.

«Хоть бы еще одно слово услышать от него, чтобы голос в памяти остался...» — но она проглатывает комок в горле, закрывает глаза и поднимается по ступенькам...

Это было их первое и последнее свидание.

Утро выдалось теплое, бледно-лиловое.

Подруги вышили шелковый солдатский платок с кистями* — посередине изобразили большую красную звезду, края обвили разноцветными ленточками и отделали бахромой.

Ванька с Колей расхаживали по деревне, размахивая красивым зловещим платком. Когда ребята последний раз обходили родную деревню, женщины и старики плакали навзрыд, прислонившись к забору...

Угахви сидела дома, как помешанная. Когда парни проходили мимо их дома, она стояла у окна и с болью смотрела на них. У нее не было сил подойти попозже к околице, где вся деревня прощалась с ними. Она сто-

* По народному обычаю, провожая в армию, девушки дарили сверстникам вышитые платки, называемые солдатскими.

яла за забором и невидящими глазами глядела на красную звезду в середине солдатского платка. Постояв еще немного, она убежала в лес и пробродила там до поздней ночи...

И потекла у Угахви горькая беспросветная жизнь. Днем она работала не щадя сил, и у нее не оставалось времени на размышления. Вечером, едва держась на ногах, приходила домой и камнем падала на тюфяк — вот и сутки прошли.

Через две недели их отправили в город Е. рыть окопы. Целый год пробыли там девушки, исхудавшие и изможденные. На лице Угахви появились неглубокие скорбные морщины. Ей уже семнадцать... Поблекшее усталое лицо...

И только по-прежнему тянет в лес узкая окольная тропа...

Ах, родная земля, родные воды!

В каких же краях пролегли военные дороги Коли?!

3

Когда не думаю — и мыслей нет,
А как подумаю — голова закружится.

Из народной песни

Тянется и тянется бесконечная нить воспоминаний... У Хветли своя судьба, тоже нелегкая.

Легок только вот этот прохладный лесной воздух, да и то дышать им почему-то трудно.

— Жизнь — слово тяжелое.

Начнет разматываться клубок воспоминаний — и не остановишь его потом.

...Человек триста собралось их в Канаше — хрупких молоденьких девчонок и повзрослевших невеселых девушек. Они тоже едут на фронт, на фронт трудовой. Разбили их на бригады по тридцать человек, бригадиров выбрали из них же и повезли в город Е.

Сначала рыли блиндажи. Потом глубокие рвы. Работа неотложная, гнетущая и грязная. Не женское это дело — в два дня выкопать широченную глубокую яму.

В декабре ударили трескучие морозы. Дул промозглый ветер, то сухой, то влажный, он пробирал до костей, обжигал лицо, шею, шатал из стороны в сторону. Мела ледяная поземка, было холодно и голодно. И ходили девушки на студеном ветру бочком да рядком. Чтобы разогреться, сжимали пальцы в кулак, оставляя торчать в воздухе пустые варежки. Опускали озябшие руки в мерзлую воду, и с голых кистей сползали ледяные «перчатки».

С каждым днем тяжелели ломы и лопаты...

Многие болели.

Раньше работали днем, но после того, как попали под бомбежку, стали рыть ночью. Тогда же, в октябре, Угахви впервые услышала, как свищет бомба. Вост она над самой головой, и кажется, что точь-в-точь на тебя летит, падает и — ан нет! — с чудовищным грохотом взрывается где-то вдалеке...

Тогда же убило самую близкую подругу Угахви — Соню, девушку из Иванова. До сих пор снится Угахви ее легкая гибкая походка, до сих пор слышится ей во сне хрустальный тонкий голосок подруги...

У Угахви с собой было пять пар лаптей и две пары черных онучей.

«Дивчина, — обратилась к ней Соня в первый же день, — что это у тебя на ногах? Ну-ка повернись, посмотрю».

«Лапти», — ответила Угахви.

«Лапти? — удивилась Соня. — У вас в Чувашии до сих пор носят лапти?» «Это у нас рабочая обувь, — объяснила Угахви. — Тепло, да и легко». «Теплей, чем в валенках?» «Конечно, теплей».

«Угах, а у тебя больше нет лаптей? Дай мне, я тоже надену!» И Соня стала ходить в новых лыковых лаптях.

А как восторженно рассказывала она о своем возлюбленном! «Он у меня летчик, — вспоминала Соня, — два ордена заслужил». И обнимала Угахви...

После калины и рябина сладка, говорят в народе.

Лес. Тишина. Деревьям точно приказано стоять по

команде «смирно». Лишь шаловливые осины нет-нет да и шевельнут листьями. И от легкого ветра одинокая клещевина трясет красными ягодками, как в лихорадке.

— Угахви, — спросила неожиданно Хветли, — о чем ты думаешь?

— Ни о чем. А ты?

— Я? Все вспоминаю... Знаешь, что сказал мне раненый Митри? Вы, говорит, женщины — что вы видели-то? В окопах не лежали, рядом с вами бомбы не взрывались, в вас не стреляли. Сидели дома сложа руки и все хозяйство запустили... Угахви, неужели это правда? Помнишь, как однажды собрались несколько женщин и запряглись в соху, землю пахать? Лошади валились с ног, а у кого корова еще стояла на ногах — тот корову запрягал... Мужчины пока не запрягались. Нет, им тоже не легче, но все же душа болит, когда слышишь такое...

— Ты же говорила, что вы на дружеской ноге с ним? — удивилась Угахви. — За что же это он тебе так?

— Нет, с ним мы каши, кажется, не сварим, — вздохнула Хветли. — Не тот он человек. За бобыля девственницей не пойду. Я Ваньку буду ждать. А то, может, и коза сошла бы за корову? К тому же, ходят слухи, что ранен он не на войне...

— Значит, он... дезертир?!

— Выходит, так...

— Как только таких земля терпит! И как он смотрит людям в глаза?!

Из деревни долетел колокольный звон. Обеденное время кончилось. Подруги направились на свои участки. Проснулись женщины, дремавшие в тени снопов, и стали подниматься, как сурки, поочередно.

Снова за работу.

...Где-то далеко идут бои. Там мужья и женихи этих женщин и девушек дерутся с врагом не на жизнь, а на смерть. Во имя спасения Родины идет жестокая кровавая война...

Вечером пришла на поле Тарье.

— Товарищи, милые, — заговорила с ходу, — завтра к обеду мы должны сдать государству десять тонн зерна. Так что и не думайте спать, будем молотить всю ночь...

Другое ее сообщение было еще безрадостнее: три человека из деревни должны поехать в местечко на торфопредприятие...

Никто не удивился: раз нужно, значит нужно. Только вот кого пошлют?

4

Всюду греет красно солнышко,
Но на Родине светлее и теплее.

Из народной песни

Душно. Раскаленный неподвижный воздух. Какая-то жуткая тишина. Полное безветрие. Солнце скрылось за туманно-дымовой завесой, и оттого кажется, что уже сумерки.

Видимо, к дождю.

— Страшно и дико кричат на лугу голодные худые грачата. Они неясными голосами зовут мать, которая терпеливо ищет, чем бы накормить их. Потом они бросаются ей навстречу и, ничего не найдя, с громким воплем устремляются к забору. Там, на столбах, изнывая от жары, тоже сидят грачата с опущенными крыльями. Куры из-под горячей пыли выкапывают себе сырую землю и прячутся в ней. Усердно размахивает крыльями, горделиво пища, петушок-сеголетка: брошенный матерью, пытается прокукарекать на всю округу...

Над деревней раздается какая-то печальная-печальная песня. Нет, не человеческая. Поет земля. Поет беззвучно.словно солисты большого хора с закрытыми ртами, выражая стоны миллионов, долго-долго тянут бессловесную музыку. Каждому слышится эта мелодия, и каждый слушает ее...

За деревней запели люди.

Это жницы. Слов не различить. Песенные звуки плывут и плывут с поля, и вот их подхватили старые ветлы. Запели старые ветлы, и песня уже на вершине холма. От холма песня направилась вниз по луку и залила окрестные пруды и поля. И в глубине оврагов от песни остается одно глубокое эхо, долго и протяжно колеблющееся в воздухе.

Поют девушки.

А парни вдали от дома, в деревне не осталось ни одного.

Кому-то принесли извещение о гибели отца, кто-то потерял брата. У Ольги ранен друг сердца, а у Угахви он пропал без вести... Девушки поют.

Песня их сродни беззвучной музыке природы.

И природа осиротела. И ей тяжело без сильных мужских рук, без коней, без любви...

А девушки все поют. Их возлюбленные на войне.

Величавую песню без слов поют луга, леса, холмы и реки.

«М-м-м-м-м-м...»

Поет и Угахви. Она очень молода: ей всего семнадцать. Хветли тоже поет. И Ольга.

Двенадцатилетняя сестренка Угахви, Анюта, тоже здесь.

В бескрайнем поле голоса девушек слились воедино. Они всю ночь молотили зерно, устали...

Одна из женщин получила похоронку на мужа. Она не в силах даже глубоко вздохнуть, она обезумела и сидит, точно каменная, на охапке соломы... Никто не решается начать разговор.

Сегодня опять провожают трех подруг в далекий путь: не знают, куда, на какое время — говорят, торф добывать. Опять Угахви, Хветли, Ольга. Куда их пошлют? Надолго ли? Что их ждет там? Об этом они не спрашивают. Ясно, не к тетушке в гости.

Девушки встали в круг. И одеты они не ради красы, не напоказ. Лишь бы тело не проглядывало, лишь бы нагишом не ходить.

Вся деревня высыпала за околицу. На передней под-

воде — котомки. В маленькую телегу запрягли худую лошаденку с белым пятном на лбу — коренником и молодого стригунка — пристяжным.

За подводой шагает вся деревня.

Вышли из деревни, стали прощаться.

— Счастливого пути!...

— Подобру-поздорову возвращайтесь...

Матери уже успели наговорить с три короба наставлений:

— Живите дружно, доченьки. Старших слушайтесь, чувствам волю не давайте. Доброе имя заслужите...

Самой старшей из них — Хветли — чуть больше восемнадцати. Мать Угахви не удержалась, заплакала и уголком фартука прикрыла рот, потом сквозь слезы сказала со злостью:

— Ах, черт бы побрал этого Гитлера! И почему не съели собаки его голову доныне? Вот и ходят бедные девочки из-за него по миру, нужду мыкают...

— Только ты и радовала глаз, — не выдержала и мать Хветли. — Отец погиб, брата потеряли. Ты одна у меня осталась, да и то...

— Не пропадем, кумушка! — успокаивает ее Ольгина мать. — Всем тяжело, время такое...

— Девчата они молодцы! Комсомолки! Они не подведут, — обращается к девушкам Тарье. — Вы и там как в колхозе работайте!

— За нас не беспокойтесь, — говорит Угахви. — Люди терпят, и мы стерпим. Работу небось человеческую дадут...

Возы скрипнули и тронулись в путь. За телегами идут три девушки: вот они прошли за околицу, остановились. Обернувшись, помахали руками и сели на телегу. Вскоре скрылись за перелеском.

И лишь поддужное колечко еще долго звучало в ушах провожающих...

Женщины достали из-под снопов серпы и медленно, нехотя направились на свои участки, точно на кладбище, на собственные похороны...

Вышел в поле — поле увидел:
 Два саврасых коня бьются...
 Вышел в степь — и степь увидел:
 Два старика дерутся.

Из народной песни

Низенький жидкий овес зарос осотом и лютиком, весь перепутался, и его приходится подрезать под самый корень. От такой работы ломит поясницу. Где невозможно жать серпом, вырывают с корнем.

«Когда будем жать машиной?..»

После войны.

Возят снопы на быках. Запрягать их в Чувашии научились во время войны. Да и коров тоже. Бык не лошадь, как ни гони, не поторопится: за полчаса — полверсты. Увидит воду — тащится в овраг. Рассказывают, как запряженные волы прыгнули под мост, двух женщин искалечили...

«Когда возить снопы будем на лошадях?..»

После войны.

«Когда женщина сядет и отдохнет, опустив руки?..»

Многие болеют чесоткой. Лечить некому — врачи все на фронте.

Снедью не богаты. Сны легки. Лица землисты.

Болеют и животные.

За деревней бродят гривастые волки.

Недовольно гомонит разная дичь, убежавшая в здешние леса от грома войны. Три ночи подряд при луне косили вику. Глаза слипаются.

— Ждать немного! Немцы драпают! — радуется народ. Фронт требует оружия, одежды, еды.

Воз за возом, за возом воз... Обозы с зерном, одеждой и письмами. Все — фронту. Все проходит через женские руки.

У станка стоит женщина.

Железную руду отливают женщины.

Каменный уголь добывает женщина.

Места, богатые полезными ископаемыми, разрушены или в руках врага. Паровозы ходят на дровах, электростанции работают на торфе.

Вот он, торф... Его окружили сотни людей, копают лопатой, забрасывают в вагонетки и толкают плечом.

Качают насосом.

Одни девушки. Из разных областей: из Татарии, Мари, Чувашии... Торф лежит в болоте. Под тонким слоем торфа — вода.

Бархатаются девушки в грязной стоячей воде. Вот одна в фуфайке, сапогах, шапке. Стоит по колено в воде, черпает торф лопатой и грузит в тачку.

Ее подруга, сидевшая на куче торфа, поднимается на ноги и трогает тачку с места. Одноколесная тачка опрокидывается.

— Хветли, ты, наверное, устала? — говорит стоящая в воде. — Дай я сама отвезу.

— Ничего, Угахви, — отвечает подруга, — передохну немножко и сама...

Хветли катит тачку по доске. Тесина скользкая, и девушка поскользнулась. Сапоги наполняются холодной грязной водой.

Ничего, не впервые! Девушка стойкая — выдержит.

— Наши сегодня заняли Минск, — говорит Угахви.

— Слышала, — отвечает Хветли. — И Ванька там... Давай напишем письмо?

— Мы победим, мы должны победить, Хветли!

Девушки опять заработались. Даже не заметили, как за вечерело. Торф, торф, торф...

Торфяные электростанции снабжают током оружейные заводы.

Снаряд за снарядом летит на врага.

Фронту нужно оружие, снаряды, хлеб...

Мчится эшелон за эшеленом — все для фронта.

Грозно движутся вражеские танки. Будто нет на этом свете силы, способной остановить их...

Но давно ждут их рвы-«могилы». Танки на ходу влетают в эти ямы, переворачиваются, долго карабкают-

ся, тем временем подбегают наши солдаты и забрасывают их гранатами.

Враг бессилён наступать, и он обороняется. Бежит.

...Прошла жаркая атака, солдаты отдыхают. Курят, читают.

Письма! На поле боя они сильнее снарядов.

— Кто пишет? Что пишут? — спрашивают бойцы друг у друга.

— Из деревни... Ждут со скорой победой... Пишут, хорошо живут...

— С завода. Все в порядке там. Нас ждут, — отвечает другой.

— С торфопредприятия... Подруги пишут: Хветли, Ольга, Угах... — это Ванька.

Солдат забыл, что лишь минуту назад над его головой злобно свистели немецкие пули. Его глаза искривляются мечтой, грудь наполнилась отвагой, и солдат изо всей силы сжимает ружье.

Врагу несдобровать, он безоглядно бежит, бежит...

6

Уж не зарастет ли травушкой зеленой
Старая тропинка, по которой мы ходили?..

Из народной песни

1945 год. 9 мая. В этот день засиял улыбкой и грудной младенец, впервые увидев, как улыбается во весь рот его мать.

В этот день из-за свинцовых туч страданий выглянуло солнце большой радости. В этот день задышали вольно птицы и земля. Война кончилась!..

Угахви, Хветли и Ольга слышали эту лучезарную весть где-то в полутора километрах от родного дома, в десятом часу утра — они возвращались с торфоразработок...

Девушки бессильно опустились на обочину и громко, не стесняясь, заплакали. Их исхудавшие и морщинистые, как мелкая рябь озера, лица посветлели, радостно засияли, точно перестал дуть ветер и мелкие

волны утихли. Девушки обнимались и целовали друг друга в мокрые щеки, по которым текли прозрачные слезы счастья.

Подруги непрерывно произносили имена друг друга и весело смеялись. Потом снова бросались друг к другу и обнимались... А в глазах все стояли слезы...

— Хветли! Ольга! Какие мы дуры! Зачем же мы сейчас-то плачем? Ни разу не плакали за четыре года, а теперь рыдаем! Ольга, Хветли!.. Победа! Мы победили! Ведь и наша доля в той победе! Ольга, Хветли!..

И девушки, как дети, впервые по весне услышавшие кукушку, кубарем покатались по прошлогодней траве.

— Девчата, давайте играть в лебек*! — предложила Угахви. — Ты — бабочка! — она похлопала Ольгу по плечу и убежала, забралась на забор.

— На заборе — чур-чур! Чур меня! Здесь нельзя ловить! — звонко смеялась она. Ольга легонько коснулась Хветли, и Хветли погналась за Угахви, а Ольга тем временем поднялась на невысокий широкий пенек...

— В детстве нам играть не довелось, так хоть сейчас наиграемся! — радовались они. Наигравшись, девушки направились в деревню. Шли они не спеша, любуясь родной природой.

Уже набухли почки, вот-вот должны распуститься листья. А некоторые деревья уже цветут. В овраге местами еще лежит снег, на теневой стороне обрывов тоже, словно холщовые заплатки на большой темно-серой рубашке.

На опушке леса, на дне маленького оврага Угахви увидела осевший сугроб и с ходу прыгнула в него, разбила твердую льдистую корочку и набрала пригоршню чистого рыхлого снега, прикоснулась к нему губами.

Как вкусен снег родной стороны!

И тут увидела светло-желтый подснежник, пробившийся из-под шершавого снега. Он весь прижался к

* Детская игра, то же, что рус. догонялки. Название от слова лёпёш, диал. лёпё — бабочка.

земле, точно хотел вытянуться. Там, где посуше, проросли ранние фиалки с алыми лепестками, лиловые колокольчики...

Девушки нарвали по букетику и свернули в деревню.

Они шли по мягкому дерну, под их ногами шипит беременная* земля, как пивная пена, — это уползают вглубь выползшие погреться на солнце черви.

По краям дороги стоит талая вода. Подует ветерок, и ее гладь начинает морщиниться, по дну прозрачной воды скользят золотые струны солнца, словно тянут золотой невод...

Поют жаворонки...

Свободная земля!

Спасенные от врагов жаворонки!.. Но... Угахви не совсем здорова.

Часто болели у нее руки и ноги. Иногда просто нестерпимо болели, но никому не говорила об этом Угахви. У каждого болит свое, думала она, всем хватает своего горя. Много печали на лице Хветли и Ольги. Война...

И вот война кончилась.

Невыносимо зудела рука, ломили кости. Но Угахви вместе со всеми выходила в поле. Возила из леса бревна на тес. И как-то поранила больную руку. На следующее утро она ухватилась ею за деревянный гвоздь в стене, чтобы поразмять.

— Что ты делаешь? — удивилась мать.

— Что-то локоть болит, — ответила Угахви.

— Во сне, наверное, неловко положила, — предположила старушка. — Попала под бок, вот и болит.

— Не-ет, — возразила Угахви, обхватив больной локоть ладонью другой руки, — такого еще не было. Это я вчера на работе ушибла, как будто обожгло, до сих пор не утихает.

— Может, вывихнула? — Мать стала ощупывать локоть. — Иначе отчего болеть-то? Ей-богу, вывихнула... Надо бы сходить в больницу...

* Чуваши землю под паром называют беременной.

— Да нехорошо как-то по пустякам врачей беспокоить, — отнекнулась Угахви. — Да и чем за пятнадцать километров таскаться, лучше работенку какую-нибудь сделаю.

— Работы и после смерти останется на три дня, — настаивала мать. — Но если уж в больницу не хочешь, так хоть к бабке Мадерне сходи. Аккурат она вправляет вывихи.

И вправду, многие лечились у старухи Мадерне.

Она намылила руку Угахви, долго растирала, потом вдруг, не предупредив, резко потянула к себе. Какая нестерпимая боль!.. Не успела девушка опомниться, старуха дернула еще раз.

Угахви стиснула зубы.

— Ой-й!.. — прижала она руку к груди. — Как больно, бабушка Мадерне, разве так можно?

Угахви решила, что на этом довольно.

— Ну как, вправила? — спросила мать.

— Не знаю. Хорошо, если не вывихнула, — сказала она, обнажив опухшую руку.

— Ничего, завтра или послезавтра увидим. Если все хорошо, болеть не будет, — успокаивала мать.

Прошло и «завтра», и «послезавтра», прошла неделя, а боль не утихала, становилась все невыносимей и невозможней...

7

И-и, родной мой, чем богаты?

И-и, конечно же, здоровьем.

Коли нет у нас здоровья,

Так куда же мы пойдем?

Васильей Мумта

Семик... Красивый месяц май. Солнце одаривает землю радостью. Птицы поют-запевают. Травка зеленеет, деревья цветут...

Будь то в старые времена — все непременно пошли бы в лес или на луга и собрали бы сорок одну травку. Говорят, от всякой болезни есть какая-то своя трава.

Воздавая честь старинному обычаю, мать Угахви поутру сходила в лес, принесла котовик, ландыш, герань, вех...

Может быть, пригодятся для Угахви. Искалечила ей руку старая Мадерне. И зачем только она посылала к ней девуку?..

Тяжелая судьба выпала на долю ее дочери. И детство у нее было не детское. Не раз, несчастная, мерзла без теплой одежды. Целыми днями сидела голодная. Потому и выросла так себе: фигура не ахти какая, а могла бы стать высокой стройной красавицей... Выучилась бы — может, легче ей было, да ведь даже доучиться не дал фашист проклятый... Собакам бы злодейскую голову этого Гитлера!..

* * *

Как радостно идти по родным просторам, зная, что тяжкий труд, длившийся четыре года днем и ночью, не пропал даром!

Как вольно колышется рожь, любо-дорого смотреть! Она уже выцвела, помахивает полными увесистыми колосьями, и чудится, будто в поле по кругу вертится множество маленьких желтых солнц...

У каждого растения своя тайна.

Вот на этом месте рожь истоптана и оттого напоминает залысину. Видимо, какая-то парочка отдыхала... Вон там, на косогоре, кто-то гадал на ромашке. Вот и пара белых лепестков на светло-желтой ноздреватой чашечке... Как счастлива девушка, гадавшая здесь!

Где же Коля? Говорят, возвращаются и без вести пропавшие...

Угахви ровно шагает по краю овсяного загона. Раздутые колосья, как младенцы в зеленых пеленках, лишь чуть-чуть показывают пожелтевшие тонкие метелочки.

Над склоном парит сизый журавль. Чу-у! — летают веселые жаворонки, поющие задорные птичьи песни. Их трели растворяются в душе и радуют сердце, невольно тревожат. Пробуждается волнение от звонких

песен невидимой птицы и вместе с ними теряется в таинственном клубке ощущений.

Жарко. Солнце палит, раздражая глаза. Хорошо еще, с запада веет прохладный ветер, обдает свежестью.

Как красиво на этом свете!..

Но в сердце вкралась тоска.

Словно пышной красоте родного края недостает чего-то... Что-то не так... Коля... Может, даже и не он?..

Ах, боль!.. Вот что не дает покоя. «Рука у тебя не вывихнута, это болезнь костного мозга», — сказали ей врачи и дали направление в чебоксарскую больницу.

Там, где раньше росли кусты ольхи, теперь остались только кочки, на которых пигалицы свили себе гнезда.

Не на этом ли лугу Коля впервые посмотрел на Угахви?..

Недаром, когда она находилась вдали от дома, ей так хотелось пробежаться именно по этому лугу.

Угахви пришла на речку. По воде плывут белые барашки, их много-много, и от этой шелковой пены вода теплая и мягкая. Угахви попила воды и пошла по ложбине.

Тает земляника на солнце, скисает, и ее вкус отдает вином.

От реки сыро. Мерзнет спина. Все холодней и холодней. Но идти домой не хочется. Не хочется расставаться с полями и лугами. Возвращаясь домой, Угахви постоянно оглядывалась, подолгу смотрела на родную природу. На глаза навернулись слезы, наверное, потому, что не было рядом человека, с которым ей вместе хотелось любоваться красотой светлого летнего вечера...

В деревне будто над каждым двором черный флаг — это дым над очагами.

Пахнет вкусной пищей, не то что в войну.

Следом за Угахви до самой деревни по земле ползла продолговатая черная тень сумрачного леса, и когда Угахви прошла околицу, она начала пожирать тихие дома. Стало влажно и зябко.

На следующий день Угахви отправилась в Чебоксары, в больницу. Вернулась через три дня.

Что за болезнь? Излечима ли? Кроме Угахви, этого никто не знал. «Поздно лечиться, нужно было еще год назад», — сказали ей в больнице.

Как же без руки? Кому она нужна такая? Кого она сможет осчастливить?.. Грустные, черные мысли путались в голове восемнадцатилетней девушки. Дома она не сказала ничего.

— Лекарства дали хоть какие? — с беспокойством спрашивала мать.

— Сказали, что и так пройдет, — Угахви старалась отвечать бойко и весело. — Только тяжелое поднимать нельзя.

Вечером, желая хоть как-то отвлечься, Угахви вышла на улицу.

Кончилась война, девушки и молодые женщины вечерами вновь собираются вместе. Не хороводы водить, не петь и не плясать, а просто по душам поговорить. Да и какие игрища без парней?

Угахви пошла на пруд присмотреть за утками.

Заходящее тускло-багровое солнце катится далеко на горизонте, касаясь неба и земли. Веет слабый ровный ветерок. Зеркальная гладь пруда тихо дремлет, лишь изредка всплывают и гасятся мелкие волны, точно нежный маленький птенчик мигает глазками. Это падают на воду крупные капли росы. С треском лопаются белые пузырьки, будто опадает кислое тесто, — то караси на дне пруда с шипением грызут водоросли.

Над прудом тьма-тьмушая мошкара. Плывет стая домашних уток, радостно чавкающих жижу. Несмышленные утята не слушаются мать; она становится на лапки и ругает их одним-единственным словом: «Нарт!» Опускается на воду летучая мышь, и утка, не осознавши, что это за птица, кричит об опасности. Утята с разных сторон стремятся под крылышко матери, но вот она опять крикает, мол, бояться нечего, летучая

мышь — существо безобидное, и утята снова начинают копать в грязи.

Угахви и не думает гнать их домой. Пусть утята под вечер половят насекомых. Ишь, рассыпались по всему пруду, каждый преследует какую-то мокрицу.

Молча стояла Угахви, очарованная вечерним прудом.

Потом потихоньку пошла домой. По соседству с их домом собрались женщины и девушки, вместе с ними сидит на бревнышках Михала, всего лишь позавчера вернувшийся из армии. Он рассказывает о беспощадной жестокой войне. Говорит, что на фашистских самолетах намеренно устанавливали сирены, чтобы нагнать страху. О том, как его ранило в ногу, вспоминает брезгливо и насмешливо:

— Продираемся мы по кустарнику. Вокруг ни души... И вдруг — ша-ап! шап! лю-юп! леп! — мины... Как коровы гадят...

Затем ему вспомнилось, как в сорок втором случайно встретились с Колей.

— Однажды после боя нашу поредевшую роту объединили с другой такой же. И вот, гляжу, какой-то старшина идет. Смотрю-смотрю, и вдруг мне показалось, что лицо его мне уж больно знакомо! Прошел, значит, мимо него, честь отдал, оглядываюсь и — глазам своим не верю! — Коля. Обнялись, расцеловались, покурили — и слов-то сразу не найдешь в таких случаях... Вскоре прозвучала команда построиться. Построились, и нам сообщили, что мы во вражеском кольце... И разошлись мы с Колей. Мы-то прорвались, а вот о них никто ничего не знал...

Молчит Угахви. Тяжело ей слушать Михалу, и она смотрит в землю. По сырому дерну ползают жуки, только-только выкарабкавшиеся из нор. Вот они расправили перепончатые крылышки и неторопливо поднялись в воздух. Полетали туда-сюда, наткнулись на людей и упали на землю.

Подруги остались одни.

— Сколько хороших людей погибло, — говорит Хветли глухим голосом. — А все же не зря трудились...

— Даже и не думали, что когда-нибудь можно будет по вечерам так вольно выходить на улицу, — соглашается с ней Угахви. — Ведь только одно это какое большое счастье!

Девушки с минуту посидели молча.

Хветли платком утерла глаза. И у Угахви взор затуманился слезой. Но ее останавливает соловьиная песня: «Угахви! Угахви!.. Перестань-перестань-перестань! Хватит, хватит! Тише-тише-тише!.. И-и, неблагодарная!» — обращается к ней, как и три года назад, одинокий ночной соловей.

— Все же дожили до победного дня, — поднимает голову Ольга. — Скоро вернутся ребята. Пусть даже без рук и ног... Лишь бы голова была на плечах...

— Угахви, — спросила нежданно Хветли, — ты, говорят, очень больна, да?

— Мало ли купались в ледяной воде? — с горечью произнесла Ольга. — И в снег, и в ветер...

— Ой, Ольга, не вспоминай, пожалуйста! — перебила ее Хветли. — Как вспомню, кровь стынет в жилах. Береги себя, Угах. Если тяжело, ложись в больницу. Да и Коля, без сомнения, на днях вернется. Не сегодня, так завтра.

— Не мне, наверное, любимого ждать, — с какой-то неизбывной тоской в голосе ответила Угахви.

— Что ты, Угахви! Не теряй надежды. Что с тобой, Угах?..

— Да ведь мало видели хорошей жизни, — сказала она вовсе не о боли. — Не верится даже, что война кончилась. Это как сон наяву.

— Пока Коля не вернется, не поверишь?

— Не знаю. По душам не говорили с ним. Да он, наверное, охладел уже...

— Не тужи, Угахви. Он парень честный. И серьезный. Слов на ветер не бросает. У меня вот, сама знаешь, не такой надежный. Потому и не верится мне в свое счастье. В год по весточке пишет, да и то...

Немая беззвездная ночь. Безрадостные лица. Тихие бессвязные речи. Полуночные петухи...

Ольга и Хветли завтра уходят на лесозаготовки — колхозу нужны дрова.

— И тебя хотели послать с нами. «Притворяется, обленилась девка», — болтает про тебя жена Сахруна...

Угахви вздрогнула.

— Да?! Как ни старайся... Сколько ни терпи... Шатаешься от боли и говоришь, что танцуешь. Плачешь и делаешь вид, будто смеешься... А потом такое услышать... — обессиленно прошептала она.

— Пока с ног не свалишься, не поверят...

8

Наверно, он надел шинель,
Повесил на спину котомку...
И, раненный на войне,
Он пролежал в мученьях долго...

Из народной песни

Всю ночь не спала Угахви: как-то непривычно ныло сердце.

Поднялась на заре, корову подоила, процедила молоко. Доила одной рукой, и потому долго. Пробовала поднять левую руку — защемило сердце. После бессонной ночи рябило в глазах.

— Что-то мало дала, — сказала она, войдя в избу.

— Теленка не подпускала?

— Да нет. Просто паслась, наверно, на небогатом лугу, — ответила Угахви. — Может, на веревке водить на лесную опушку? Там травы сочнее и сытнее. Чтоб хоть какая-то польза от меня была...

«Да пристойно ли взрослой девушке за коровой ходить?» — хотела сказать мать, но промолчала. Ее осенила догадка: видимо, что-то скрывает от нее дочь.

— А как же с рукой? — спросила она осторожно.

— Уже проходит...

Угахви, услышав пастуший свисток, вышла из избы и погнала скотину на другой конец деревни. Вернувшись, стала собираться на работу.

— Голодная пойдешь? И вчера ничего не ела... — заметила мать.

Угахви не хотелось есть, но, уступая матери, она отломила кусочек толстой лепешки из ржаной муки. «Что-то с ней неладно, что-то происходит, не просто ж так у нее нет аппетита», — огорчалась мать.

— На работу бы можно и не ходить, у тебя же бумажка из больницы есть, — сказала она.

— Нет, пойду. И так говорят, что прикидываюсь.

— Кто говорит-то? Жена Сахруна? Она других слов не знает, она же всех подряд грызет!.. Нашлась умная! Девка еле ноги волочит, после каждого шага семь следов остается...

— Ничего, мама. Я привыкла слушать сплетни. Да и не могу сидеть дома в эту пору...

Угахви ушла, а мать собралась постирать на пруд. Поставила на берегу корыто и вернулась за тряпьем, замоченным в щелоке.

Греются на солнышке телята-сосунки. Вот они подняли хвосты и, звучно мыча, понеслись куда-то вихрем.

На верхнем пруду бабы выколачивают белье. Старая женщина погрузилась в раздумья о дочери.

«Выздоровеет, — надеется она, — а впредь будет осторожней. Сейчас время мирное, жить стало лучше. Выйдет замуж. Хорошо бы за Колю, парень он неплохой. Любил ее. На бедность нашу не смотрел... Все же надо кое-что приготовить, никто не прочь взять девушку с приданым. Если осенью заколоть свинью и продать, черную шубу можно будет сшить... В хорошей одежде всегда человеком себя чувствуешь. А то прикинется перед нарядно одетыми дурой и стоит, молчит... Ах, бедняжка, лишь бы выздоровела...»

* * *

Заторопилось ленивое солнце под вечер, заполнило кровавыми лучами всю землю. И уже не слепило больше глаза.

Как всегда, после обеда затеялся разговор. О доме, о хозяйстве, о работе...

— Ведь всего-то семь копеек стоит, а как бесится! — рассуждает одна из женщин о скотине. — В стадо

отпустить — пастбище бедное, в лес бы — да ходить некому...

Другая укоряет невесток:

— Не зря говорят, от снохи столько же тепла, сколько от пеленок. Ни разу не гостила я у них. А приходят они, так ячменное пиво разливаю, а пироги-то какие пеку к их приходу, на губах тают...

— Какая-никакая, а родня есть родня, — возражает ей Колина мать. — Мне вот на кого опереться? Муж погиб, сын пропал без вести... и женить не успела...

Угахви кажется, что она говорит не только про Колю, но и про нее тоже, и она не знает, куда глаза деть.

«Ах, невесткой бы сделала тебя, если бы...» — плакала Колина мать, когда Угахви приходила к ней, и усаживала ее за стол.

В это время на поле явилась почтальонка, раздала газеты и письма.

Внезапно громко зарыдала женщина:

— Коля! Ко-лень-ка! Жив!.. Письмо от него... — Она опустилась на колени, протянула руки к небу. Затем легко вскочила: — Ой, дура, да зачем я плачу-то теперь? Коля ведь жив!..

Все обрадовались:

— Жив, значит? Вот счастливая!

— И-и, молодая наша невестка!..

— А что, не молодая разве? — подхватила шутку женщина. — Мысли не стареют, да и сама тоже... Сыночек мой жив!.. Жить да жить мне теперь!.. — Вдруг она перестала смеяться, прижала письмо к груди, стала целовать его, приговаривая: — Сынок, Коля!.. Жив, ты жив!..

— Письмо-то скомкаешь, не прочитала ведь еще, — позаботился кто-то взять из ее рук дорогой для нее конверт. — Ой, промокло!

— Отдай! — вырвала она письмо обратно. — Угахви, Угах! Поди сюда, прочти, Угахви! Ты ведь мне невестка!

Девушка так и залилась румянцем. Взяла конверт,

аккуратно вскрыла. Когда читала, слегка заикалась. Прочла все внятно, только опустила несколько строчек, за которые потом ей пришлось краснеть до ушей.

— Ой, полписьма пропустила! — заметили женщины.

— А-а, тут как раз про нее...

— Прочтите вслух!

Всего-то десяток слов: «Как там Угахви? Не замужем ли? Пожалуйста, удержите ее до моего возвращения. А то сбежит еще...»

Дальше Коля писал, что по разным причинам пока не может вернуться и писать к нему часто нельзя. Это до конца следствия. «Поверь, мама, у меня на совести нет даже малейшего темного пятна, и я скоро вернусь», — заканчивал он.

«Наверно, Коля был в плену. Вот сейчас и расследуют, как он там оказался...» — смутно догадались женщины.

Коля в плен попал не в те дни, когда они встретились с Михалой, а гораздо позже. Узнав, что из вражеского кольца не пробиться, что кругом вражеский тыл, их отделение ушло в партизаны, и только в сорок пятом они оказались в лапах врага...

9

Я два фартука надела —
Черный-черный, белый-белый:
Черный — горе собирать,
Белый — мысли собирать.

Из народной песни

Каждый год прорастают новые цветы. И старые, прошлогодние, тоже — чабрец, колокольчики...

У людей с наступлением весны тоже приходят на землю старые, знакомые имена, какие приходили в прошлом, позапрошлом годах, — Анни, Хветли, Угахви... Приходят и уходят...

Каждый год цветут красные маки. Каждый год рождаются Угахви...

У каждого цветка свой цвет, лепесток, листочек. Так же и у Угахви. Большинство Угахви даже на одно лицо.

Вырастут в похожих краях, вынесут одинаково нелегкую нужду — и, наверное, не отличишь их друг от друга: одного характера, с одинаковыми привычками. И судьбы у них бывают поразительно схожи...

Если бы не измывалась над ней в детстве бедность, если бы росла она в довольстве и достатке, если бы каждый день играла со сверстниками и жила припеваючи, Угахви стала бы первой красавицей в округе. Питалась бы получше, может, и выросла бы повыше да постройнее. Не потела бы в тяжком труде, лицо ее было бы белое и нежное, а руки хрупкие и изящные...

Красивой девушкой была бы Угахви.

И если бы не война, стала бы она инженером или врачом, кем угодно.

Но как бы там ни было, живет Угахви на земле: вся в мечтах, вся в надеждах...

Помнится, она маленькая-маленькая девочка. Года четыре, наверно, ей было.

Вбежала в избу и спрашивает:

— Мам, а откуда ты в первый раз узнала, что я Угахви?

Мать улыбнулась:

— Кто же ты еще, как не Угахви? И глазки у тебя карие, и волосы каштановые...

— У Хветли тоже карие глаза! — возражает дочка. — Нет-нет, я не Угахви. Я Натали. Когда вырасту, я стану как красавица Натали!

— Сейчас уже не станешь Натали, поздно, — говорит мама, — ведь ты Угахви.

Девочка утирает слезы и говорит:

— Наверно, я буду как тетя Угах, да?

— А чем плоха тетя Угах? Очень трудолюбивая была, от работы и занемогла...

Тетя Угах уже второй год лежала прикованной к постели.

С этого дня маленькая Угахви каждый день бывала у тети Угах. Выйдет на улицу — и сразу к ней. Воды подаст, за хлебом сбегает... И тете Угах было тоскливо, когда не оказывалось рядом маленькой девочки, и

каждый день звала она ее к себе, напевала тихие печальные песни...

Тяжко на душе. Оттого, что все Угахви с рождения своего обречены на страдание. Печально и горько, как полынь... Слезы душат мать Угахви. Вот и ее дочь тоже заболела... Неизлечимо... Неделю назад пошла в поле и, говорят, прямо на меже упала...

Целую неделю сидит дома Угахви. Всю ночь напролет ходит и ходит по скрипучим половицам. Без капли радости. Неловко даже попросить ее сделать что-то по дому.

Бывало, скажешь: «Сходи за водой», — и тотчас сбегает, только диву даешься, как это она ухитряется донести ведра полными до краев?

Не дают покоя гнетущие мысли, сердце гложут...

Вошла Угахви. Под мышкой охапка хворосту, которого хватит ровно настолько, чтобы сварить одно яичко. В другой руке — гриб-ивишень величиной с таз: на три супа хватит.

Платок она повязала концами назад, собрав на щеках складки. Конец фартука заткнут за пояс. Левая рука согнута и прижата к груди, отчего девушка похожа на невысокое скрюченное дерево. Говорит она редко и мало.

— Доченька, в больницу бы сходила еще разок, — робко сказала мать. — Коль не будешь напоминать, никто тебе под бок подушки не положит, говорили старые люди.

— Ты не волнуйся, мама, уже проходит. Я ведь и так раз в неделю хожу на укол...

— Иной раз и наши чувашские зелья полезны бывают. Тетя Анни мастерица настои делать. И деньги выложила бы тут же. Ты посмотри-ка за очагом, я быстренько схожу.

Вьется пламя, как в горниле.

Роятся какие-то чудовищные мысли.

Стоит ли идти в больницу?

— Уже три недели прошло, как... Нет... Отрезать?! Сказали, ни минуты нельзя медлить...

Нет-нет! Ни за что!..

Сидит Угахви у очага и расчесывает волосы. Волосы почему-то выдергиваются с корнем, наверно, вода в бане была жесткая...

Угахви бросило в пот. Чтобы проветриться, подошла к окошку и с минуту смотрела на улицу.

На привольной деревенской улице громко хрюкают поросята. Видимо, проголодались, на ходу свалили мать с ног, вцепились мелкими белыми зубами в соски.

Вдалеке сияют две радуги. Нижняя, потоньше, отчетлива и ясна, а посветлее, что висит сверху, чуть не касаясь солнца, уже исчезает, тает, сливается с небом; другая тоже прямо на глазах становится все меньше и меньше — уходит обратно в речку...

Ах, Коля!.. Где же он?

Может, написать ему письмо? Но о чем?

...Внезапно ее пронзила острая боль, и несколько неоформившихся мыслей, тесня друг друга, излились в одном слове:

— А-ах!..

Угахви зачерпнула ковш холодной воды, вылила на локоть. Боль утихла на какой-то миг, но через мгновение защемило еще сильнее...

* * *

Все больше и глубже распространялась застарелая болезнь, не то чтобы прекращаться. Теперь уже никому не показывала Угахви руку — разве этим поможешь? Видать, придется отрезать...

Пролежала неделю в больнице. Но лежать было еще мучительнее, и она попросилась домой. Отпустили.

Пришла старуха Мадерне за безменом и стала сны свои рассказывать.

— Сон приснился, — начала она, войдя бесшумно, как птенец, — будто в нашем саду яблоня цветет. И много ли, мало ли, срубили яблоньку и белую избу построили... Долго я ломала голову, к чему бы это. Да вот, думаю, не про Угахви ли?.. Говорят, белая изба — это гроб...

— Ах, сестрица, не говори так! — чуть не плачет мать Угахви. — Тебе бы успокаивать, а ты...

Добрый человек придет — чем-нибудь да поможет. А вот эта дряхлая старуха опять подлила масла в огонь, пылающий в душе. Уж лучше бы молчала... Вскоре из соседнего села пришел фельдшер и сделал укол.

10

Я бы на большом лугу

Покосила травушки в два вала...

Из народной песни

Сенокос. Это время для колхозников все равно что праздник. На косьбу выходят точно на игрища, принаряженные.

Из высокой травы застенчиво выглядывают спелые ягодки. Грустят красивые ароматные цветочки...

Кто усидит дома в такие дни?

Но одиноко сидит Угахви, одна во всей деревне.

Полуденный зной.

В избе, хотя и дверь приоткрыта, душно. В сенях тоже тугой раскаленный воздух. Кажется, что солнечные лучи проникают в щели между бревнами, стелют по воздуху рыжие холщовые тропинки и роняют на пол золотые посохи...

Громко позвякивает кровельное железо. Встревоженная металлическим звоном оса выходит из своего гнездышка, прилепленного к матице, и начинает испуганно жужжать.

Пахнет горячим хлебом. И еще чем-то душистым и легким... А-а, мелкой жгучей крапивой!

У Угахви опухли ноги и руки. На груди и пояснице появились гноящиеся раны...

Эх, вскочить бы на ноги и побежать с косой на луг! И косить на спор с Ольгой и Хветли!..

«Рука у тебя легкая, начинай ты», — говорили ей, бывало, женщины, давая в руки серп. И она срезала первый сноп...

Угахви осторожно поднялась на ноги. Опираясь на скамью, сделала несколько шагов. Ноги слегка отошли.

Тогда она раза два прошлась по избе взад-вперед, затем остановилась, оторвалась от скамейки и прислушалась.

Кап! кап! капает сыворотка из творожного мешочка, подвешенного над кадкой.

А вот шушукается сама с собой скромная ветла, молча склонившаяся перед окном.

Угахви села на ступеньку.

Непривычные дикие мысли мутились в голове — мысли о смерти... Небо сплошь заволокло тучами. Вдалеке сверкнула крестовидная молния и упала на землю ломаными линиями...

Пригнали стадо, Угахви вышла навстречу скотине. — Уже почти не болит, — сказала она возвратившимся с работы матери и сестренке. — Совсем легко мне сейчас.

Вечером Угахви долго сидела у окна, глядя сквозь черное стекло. На свет лучины собралась ночная мошкара. Туда-сюда сновали мотыльки, налетая друг на друга.

Когда мать и сестренка уснули, девушка перевязала разрастающуюся рану.

Ужасно клонило ко сну, а уснуть не могла. На ее постели съежилась любимая кошка, которая, как ей казалось, понимала все и жалела ее больше всех. Дня три-четыре не тушили здесь лучины.

Временами Угахви переставала чувствовать боль. В такие моменты ее лицо светлело, зрачки, точно взирая на маленькую точку, сужались, а затем начинали смотреть на что-то громадное, большое и расширялись, влажнели...

Ей захотелось пройтись по ночному лесу, по родному черному полю. Как два года назад.

Всего бы только раз пройтись!

Угахви медленно встала, накинула легкий тонкий пиджак, повязала платок, надела галоши.

— Куда ты на ночь глядя? — удивилась мать.

— Я скоро приду, — ответила Угахви и вышла во двор. Уже светало.

Затихла трещотка сельского сторожа. В небе осталась одна Венера. Понизу стелился белый туман, точно с неба упали кудлатые облака. С крыш стекали капли водяного тумана. В лицо веяло холодом.

Деревня спала. И только больная девушка, стиснув зубы, сидела на чурбане во дворе и раскачивалась из стороны в сторону, будто пела завернутому в пеленки малышу колыбельную...

...Днем приходил районный врач и отметил, что к прежней болезни прибавилась еще одна. Все эти болезни, по его словам, от давней простуды.

11

Я в лесу была.

Побродила и ушла.

Лес остался плакать, как и я...

Из народной песни

Угахви заснула только под утро. Проснулась к завтраку и сама удивилась: как я столько спала?..

Ей стало тревожно, точно над самой головой висит какое-то срочное дело, висит, как камень, и вот-вот сорвется.

Угахви хотела прыгнуть с кровати, но ее остановила острая боль, и тогда она поняла, почему до сих пор в постели. Но все же прежнее волнение не унялось.

Встала через силу, немного походила. Ноги были будто не свои. Наконец боль утихла во всех костях, и она, по-детски обрадовавшись, села за стол, поела приправленное луком картофельное пюре.

И снова ее потянуло в поле, на луга...

Глаза подолгу останавливались на каждом предмете. Обычная вещь сегодня казалась, как в детстве, какой-то волшебной и безумно красивой. Угахви заперла дом, взяла маленький кузовок и вышла на улицу.

Небо густо заволокло легкими тучами, похожими на тонкий белый полог. Солнце светило сквозь плотную завесу тумана, вместо лучей посылая на землю беледые игристые пятна.

Шумели ветлы. Вился коршун.

Угахви по заброшенной, поросшей дерном тропинке направилась в лес.

Ночью прошел дождь, и пенистая дождевая вода стекала в ямы и ухабицы — там и тут сверкали темные зеркала густых, как сусло, луж. Это — полезный дождь, дождь ржи. И в самом деле, увесисто шуршат ржаные колосья, точно пополнились за ночь. Только твердый грунт не промок, не расползлись колеи на дорогах.

Вот опять заморосил вялый нерешительный дождь.

Угахви сняла платок и, радостно подняв голову, замедлила шаг.

Она наслаждалась медвяным запахом невинного дождя.

С черной полосы неподалеку поднялась, как клуб черного дыма, вереница небольших скворцов, стала кружить над полем, то собираясь в одну черную точку, то разлетаясь и исчезая где-то за облаками.

То тут, то там из ржи, заслышав приближающиеся шаги, взлетали одинокие полевые воробьи, на ходу сбрасывая с ног запутавшиеся мокрые стебли.

Дождь шел неровно. В деревне довольно-таки мокро, а здесь будто и не было его. Лесистая подошва небольшой возвышенности, если смотреть издалека, кажется какой-то поголубевшей, словно кто-то разжег костер. В детстве Угахви казалось, что там живут лесные разбойники и постоянно греются у огня.

Угахви остановилась, огляделась.

Вдалеке — убогие деревеньки. На окраине каждой из них, как единственный деревенский владыка, стоит ветряная мельница, которая, вращаясь по ветру, горделиво размахивает крыльями, точно журавль сторожит любимых журавликов.

Куда ни посмотришь, будто встретишь какого-то знакомого человека. Не самого его видишь, а душу его, и видишь не глазами, а сердцем...

В этих местах есть что-то древнее, кровно связанное с детством, оставшееся с далеких первобытных времен, какая-то полузабытая первозданная краса, какое-то неземное чудо...

Тихий лес, зеленая тропа, теплый воздух... Все они вместе напоминают Угахви сильного и красивого, доброго и скромного, охваченного пламенем первой любви и потому немножко чудаковатого парня. Он здоровый, ничуть не хвастается своей красотой, он даже не стремится показать другим свою силу. Он бережно греет жаром своего сердца весь окружающий мир. И тебя, маленького и слабого человека, он уважает и любит, и обнимает с отцовской дружеской любовью. И весь этот воздух растаял в его сердце и наполнился теплотой его любви.

Ах, милый Коля!.. В каких землях ты ходишь?.. В каких краях?..

Восходит и заходит солнце, весной прилетают в родные края усталые лебеди, возвращаются домой солдаты — только тебе одному до сих пор нет дороги назад...

Лес, поле, речка, если бы приняли человеческий облик, стали бы очень красивым, радушным, как дитя, чистосердечным человеком. Таким, как Коля...

Да ведь и вправду, не природа ли одаривает людей плотью, кровью, красотой? Должен же родиться в этом краю хоть один похожий на него человек: и соки бы он впитал из этой земли, пил бы эту воду, ел бы эти ягоды и слушал бы эти деревья... Да и душа досталась бы ему от этого края: она бы состояла из птичьих песен и солнечных лучей, из пылинок цветов.

Угахви прошла сырой осинник. Сухостойные деревья пахнут густо и сладко.

Угахви стала искать белые подорешники. С острыми шляпками, на тонких ножках, они кажутся длинными бутылками, полными дождевой воды.

Вышла на поляну Удивана, о которой все говорят, что это самое грибное место: тут и только что проросшие маслята, и грузди вкуса конины. Вокруг поляны стройные молодые осины, как красавицы-сарпиге*, водят хоровод.

* Златовласка.

Угахви перешла через овраг в мелколесье, поредевшее после вырубki дубов. Вдалеке виднеются крыши домов соседней деревни, изба лесника.

Красота леса, вначале так успокоившая душу, вновь начала тревожить девичье сердце.

Какие-то птички легкими шажками бегают по земле; увидев человека, они прячутся за кусты, а потом вдруг совсем неожиданно защечечут за другими деревьями. Лишь дрозд-рябинник подпускает близко, да и то, когда остается три-четыре шага, пугая человека, резко взмахивает крыльями и, легкий, величиной с голубя, быстро улетает.

Давно наполнен грибами кузовок, а Угахви по-прежнему домой не хочется. Глаз не может оторвать от леса, не может насмотреться.

Ах, лес, лес... С кем она еще так откровенничала? Кому исповедовалась, как не тебе, кому выкладывала всю душу эта слабая болезненная девушка?

Только тебе ведомы ее мысли. Близкие сердцу песни, которые она берегла для любимого, слушал ты.

Ах, лес — крылышко мое!.. Есть что-то неродившееся, неоформившееся, доброе в тебе, которое живет ради меня одной, и понимаю которое только я...

Душа леса наполняется песнями птиц и танцем листвы, согревается теплом солнца, горячо дышит в лицо... Она меня любит, ласкает... Она должна прийти на этот свет, прийти, чтобы любить всех больных и несчастных людей. Она должна быть удивительно красивой и счастливой, и она родится непременно на земле, на той земле, которую отстояли и украсили Коля, Хветли, Ольга, Угахви...

Ах!.. Как больно!..

Угахви присела на пень.

«Где я?» — подумала, точно спросонья.

Лицо и ноги ее покрылись белыми, как нитки, линиями, прочерченными ветками. Руки порезались осокой.

Прилетел озорной ветерок и разбудил дремавшие деревья. Лес начал сердито ворчать. Зашумели кроны дуба, липы, клена...

Голова закружилась. В душе поднялась сильная тревога. Угахви затосковала всем сердцем.

В глазах стояло прошлое, в ушах набатом звучали слова врачей... По щекам текли слезы. Не осуди за эти кристальные капли, белый свет! Не счастье не жило нас. Не радость искали мы по миру. Хотя и говорят, что молодо-зелено, мол, в молодости ум куций, мы поптичьи не порхали. Слишком рано ум превратился в разум. Не насладились вдоволь даже простыми народными песнями, всем посвященными. У нас была одна дума, одна мысль: работать, работать и победить врага... Счастье свою колесницу не ставит как свадебную кибитку. Не встретились мы с настоящим счастьем, только мечтали о нем. У нас было свое счастье, счастье безумного труда. Так пусть же последующие поколения будут счастливы.

Эй вы, живущие после нас! Свое веселье, ничуть не тратя, мы оставили вам! Чтобы вы создавали семьи, мы оставались без любимых. Так будьте же счастливы!..

...Долго пробыла Угахви в лесу.

Лес словно вздохнул перед сном, пахнув в лицо, свежей прохладой. Кромки облаков казались желтыми узорами.

Шла-шла Угахви, шаги не убыстрялись.

Стало тревожно и больно. Нестерпимо кололо в предплечье, что-то острое пошло по костям, перешло в грудь... Угахви упала.

12

Сорок подружек, сорок ровесниц —
Как же я уйду от них?..

Из народной песни

Та прогулка в лесу была последней. Теперь уже Угахви никуда не могла выходить. Распухли ноги.

Люди все в поле. Жнут хлеба. Одна Угахви дома.

Последние две недели она ни разу не уходила дальше дверного косяка, не ступала за иглицы переднего

угла печи. Не было сил. Тяжелая болезнь торопилась приковать ее к постели.

На лице Угахви ни кровинки. Сама она кости да кожа.

* * *

Лес в радужных цветах. Грачи, собираясь на юг, учатся летать стаями. Даже ночами не спят.

Только их и слушает Угахви. Ей кажется, что и она должна улететь вместе с ними в какие-то далекие края, а ей не хочется... Самое трудное для нее — одиночество. Время тянется бесконечно. Единственное утешение — ждать, когда придет из школы сестренка. Стой!.. Это не скрип двери? Нет, это ветер налетел на дверь крыльца. Тюньк! Глухой, отрывистый звук. «Не Анюта ли?» Оказывается, кошка прыгнула с печки на пол...

Минуты ползут очень и очень медленно, точно каждая длится сотню лет.

* * *

Сегодня к Угахви пришли Ольга и Хветли. Они только вчера вернулись с лесозаготовок. Увидев, что Угахви очень плоха, расстроились, опечалились.

— Ты не лежи все время, Угахви, ходи маленько. А то тяжело будет потом вставать...

Угахви нашла силы присесть в кровати, прислонилась к стене и одеялом прикрыла раны. Потом холодными руками обняла севших с краю подружек.

...Теперь каждый день кто-нибудь да навещал ее. В любое, подчас самое жаркое время работы — пойдут ли по воду или на работу спешат — забегала Хветли, забегала Ольга.

* * *

Услышав стук хлопнувшей двери, Угахви встрепенулась.

— Кто там?.. Анюта, ты?..

— Нет, не Анюта... Колина мать я... Совсем захвора-

ла, доченька? Я вот опять письмо получила... Привет тебе... Говорит, весной вернется...

— Весной? — переспрашивает девушка.

— Да-да, весной. В каждой строчке тебя вспоминает. Ах, Угахви, невестка моя!.. Ты уж прости меня, впредь тебя буду звать невесткой. Выздоровливай побыстрее, поправляйся... Вот я тебе меду принесла...

— Зачем утруждаете себя? — говорит Угахви медленно.

— Ты что, Угахви, ведь не чужие мы люди. Ты только выздоравливай, доченька...

— Встану на ноги к весне...

* * *

Время молотбы. Сегодня Угахви захотелось посидеть у окна. Мать постелила ей там и помогла добраться. Целый день через открытое окно глядела Угахви на улицу. Весь день доносилось до ушей звонкое эхо ребячьих голосов:

— Ой-йой-йой-ой!.. Ну-у-н-н-ну-у-у!..

Видимо, погоняют лошадей кнутом.

Звуки разноголосые, открытые, и от одного крика множится эхо.

Наверху — трехслойная вереница грачей, и оттого, что каждый слой тянется в другую сторону, кажется, будто клубится черный дым.

В поле местами блестит золотистое жнивье — точно подрезанные солнечные лучи.

Стало немного легче и радостней...

Угахви потрогала свою жидковатую светлую, точно спаленную солнцем, косу. Концы хрупких волосинок раздвоились, и, как раньше, водой их не завьешь... У Угахви недостает сил даже нитку перервать.

* * *

Сегодня к ней пришла целая молодежная делегация: Хветли, Ольга, Манехви, Танюк, Нина и девушка из райкома комсомола.

Угахви не смогла выбежать им навстречу, не сумела

даже встать с постели, лишь слегка приподнялась на здоровый локоть...

Девушка из райкома комсомола произнесла короткую речь. О всенародной доблести, о героизме каждого советского человека... О счастливом будущем... Потом она прицепила к груди Угахви медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов».

— Не знаю даже, чем отблагодарить...

На ее лице появилась смущенная улыбка как знак благодарности больной девушки Родине, не забывшей ее.

* * *

Вскоре к Угахви заглянула энергичная председатель колхоза Тарье.

— Ну, Угахви, — сказала она, — вставай быстрее на ноги. Поедешь в санаторий, на юг. В Железноводск. Вот тебе путевка!

Только не рассказала ей Тарье, с каким трудом добыла она эту путевку. Поругалась и с врачами, и с райкомовскими работниками и, наконец, дошла до министра здравоохранения республики. «Прикованных к постели никакой санаторий не принимает», — говорили ей повсюду. Но не зря избрали Тарье председателем, да еще в годы войны — ни перед какими трудностями не остановится...

— Через пять дней надо ехать, Угахви.

— Ах, тетя Тарье, — говорит Угахви, — я бы сердце тебе вынула, и то мало... Но смогу ли я поехать? Ведь ни капли силы...

— Главное, на ноги встань, — говорит председатель, — ешь получше, не думай больно много. А там за полтора месяца тебя вылечат, как горная козочка на вершинах Кавказа будешь прыгать!

Обрадовалась Угахви, повеселела...

* * *

Через три дня Анюта заметила, что у сестры участилось дыхание, и тогда она открылась матери:

— В больнице Угахви сказали, надо отрезать руку... Она не согласилась...

У матери подкосились ноги. Она не проронила ни слова. Не могла. Лишь через какое-то время послала Анюту за доктором.

— Лишь бы голову спасти... Отрежьте руку, если надо...

Врач, как всегда, сделал укол.

— Теперь уже поздно. Болезнь осложнилась.

Этой ночью после укола Угахви спала непробудным сном. Спала спокойно. Ей приснился красивый сон. Будто она на юге, вместе с Колей. Ходят они среди облаков и обнимают золотые вершины. И будто Коля женится на ней. Угахви, на приданое, набивает в перину эти мягкие кавказские облака...

* * *

Ночью выпали сильные заморозки, и наутро ивы покрылись черно-белой каймой.

Угахви съела яичко, выпила молока. Потом вдруг оперлась на здоровую руку и подняла голову. Ее блуждающие глаза смотрели рассеянno, взгляд подолгу останавливался на каждом предмете, точно Угахви искала что-то...

— Ан-нюта... скоро придет?..

Мать испугалась этого безжизненного голоса.

— Доченька, тебе плохо?

— Нет! — ответила Угахви как-то сердито. — Нет, мне не больно! Мне бы во двор выйти...

Дочь в упор смотрела на старую мать, но никого не видела, будто солнце слепило ей глаза.

— Коль уж хочется... дай выведу на крыльцо. Сможешь встать на ноги? Обхвати меня за шею, вот так...

...Где-то протяжно лают голодные собаки. Мелкие брызги слетают с полного ведра, стоящего на перилах на ветру. На ступеньке расплываются многоцветные круги, наверное, пролился керосин. Спину пронизывает промозглый августовский ветер. Безвременно сорвавшиеся листья яблонь резко поднимаются с земли, точно

солдаты, и, мгновенно пробегая каких-то десять метров, стремительно взлетают, подолгу кружатся в воздухе, затем неведомая сила сбрасывает их на землю, и хилые желтые листья, передохнув, вновь ложатся на дорожку...

В огороде попрыгивает, вздыбливаясь против солнца, поздно распустившийся подсолнух. Он устало размахивает касающимися друг друга дрожащими листьями, точно желая согреть окоченевшие цветочки. А второй подсолнух, точь-в-точь как Угахви, наклоняясь, качается из стороны в сторону и бессильно затихает в изнеможении, так и не осилив поднять отяжелевшую голову.

На крутом яру за деревней сели грачи, затем поднялись в воздух, и оттого, что их тени тянулись над самым обрывом, грачей казалось неимоверно много.

Дети ветра сперва хныкали где-то под облаками, потом спустились пониже и, визжа и подвывая, стали цепляться за бревна избы, стучаться в хмурые углы...

Угахви смотрела на все с неизбывной тоской, будто прощалась с этим миром.

— Наденьте на меня крестообразный фартук, — сказала она вдруг. — Повяжите батистовый платок, обуйте в черные онучи со светлыми лаптями...

— Ах, Угахви!.. Что ты говоришь! Жизнь-то ведь только начинается... Да ведь... завтра ж в санаторий едешь, на дорогу я и шыртан зажарила...

Угахви ничего не ответила, только глаза у нее заблистали еще ярче. Отнялся язык.

Мать еле-еле уложила ее в постель. Угахви несмело повернулась на бок, и к ней возвратился дар речи. Неожиданно она запела:

Летели сизы голуби по небу,

А по земле белы туманы плыли...

Мать замерла.

— Угахви... Что с тобой?..

Девушка не слышала.

— Ах, Угахви... доченька... Как же так?.. Ты ж раньше никогда не пела...

Некрепкий дрожащий голос становился все громче и громче. Даже прохожие завернули к ним:

— Выздоровела наконец-то!

А в избе по-прежнему звучала уходящая внутрь почти гортанная песня:

Мы подрастали и хотели счастья,

А время принесло нам тяжко горе...

Затем в горле девушки что-то прохрипело, и в этом хрипе слышалось мычанье позднего стада, осенняя трель соловья, душераздирающая неоконченная мелодия...

13

Греет солнышко, теплым-тепло —
По березе, ах, течет смола...

Из народной песни

Лето. Солнце, затянутое легкой дымкой, печет — к ветреной погоде.

С большой дороги свернул на опушку леса солдат. Он очень молод, и подбородок у него, как у холостых парней, сопровождающих свадебный поезд, чист, без единой щетинки. На нем гимнастерка с погонами, галифе, сапоги, на плече шинель, за спиной вещмешок.

Солдат идет неторопливо, предаваясь раздумью.

У него своя судьба, свое горе... Подростком ушел на фронт. Были сильные смертельные бои. Оказался во вражеском кольце. Партизанил. Затем плен и пытки. Наконец долгожданная победа. Но домой не отпустили сразу, только вот сейчас, с орденом Красной Звезды проводили...

В небе — горячее высокое июльское солнце. Дома и солнце теплее, и ветер ласковее.

Здесь каждая ложбина хранит какой-то природный мотив, связанный с детством. Какую-то близкую сердцу мелодию. В каждой речушке звучит этот мотив. Не ушами, а сердцем слушаешь его... Каждый овраг, холм, низина, поле и луг, роща и полянка — родная природа, и она будит в сердце естественное, присущее только этому краю чувство родства.

Сильным покажется белый свет, если посмотреть вон на ту возвышенность. Или если остановить взгляд на небольшой чащобе, раскинувшейся рядом с деревней... Представляется древность. Незабываемые сев и пашня. Длиннобородые могучие чуваша в выцветших холщовых рубахах без пояса, в белых лаптях...

В ложине гордо стоят сметанные на днях высокие рыжие копны сена, не успевшие даже слежаться. По земле, натываясь на кочки, плывет тень одинокой птицы.

Льется какая-то тусклая мелодия, досадно пленяющая сердце...

Кажется, все безвозвратно ушедшее в молодости, потерянная любовь — кто в свое время не наслаждался ею вдоволь — прилетели сюда и поныне живут здесь. И Колина любовь обитает где-то здесь же. Все недопетые песни, неисполненные мечты обретаются в здешнем чудесном месте.

На первый взгляд, этот край покажется неприветливым и суровым.

Но жила на этом свете девушка, которая украшала эту землю своей тонкой красотой и неземной добротой...

Она тут ходила. Радовалась. Пела. Трудилась. Первой ее любовью стал этот убогий край. Светлой любовью любила девушка эту землю, и ее светлую печаль земля впитала в себя. Каждый лепесток, тычинка, цветочная пыльца хранят память о ней. Земля, наполненная ее чувствами, теперь рассеивает ее дух невидимыми лучами. Лучи эти вливаются в твое сердце, и благодаря грусти, переселившейся из мира девушки в тебя, перед твоими глазами встает молодая чувашка, ее прозрачный и чистый, как природа, образ: вот она пробирается среди кустарников, о чем-то мечтает...

И невольно сердце начинает биться тревожно.

И Коле не чуждо это место.

Вот небольшой мелкий пруд. Гладь его ровная-ровная, вода прозрачная. Песок на дне подернут рябью, — кажется, что дно и есть точная копия волнистой поверхности пруда. Так и видишь искусного художника,

который сумел уловить и срисовать бесценное мгновение волнения пруда. Может, тот самый миг, когда Коля впервые в воображении поцеловал Угахви?..

Подальше, за лесным изгибом, кладбище. Но откуда там береза? Среди древних дубов и могучих ветел?

— Вон та что за березка, бабушка? — спросил Коля у первой встречной женщины.

— Батюшки!.. Не Коля ли это? Вернулся, а?.. А березка-то... Как тебе сказать, березой Угах называем...

— Березой Угах?.. Почему?..

— Да ведь... — старушка хотела что-то сказать, но отчего-то запнулась и быстро прибавила: — Да уж лучше сам пойдешь...

...Одиноко стоит березка. С веток свисают тонкие кисти, похожие на обрывки белой нити. На стволе местами оторвалась кора, которая развеивается на ветру, а из-под нее проглядывает новая кожица, розовато-белая и свежая. Под березкой — курган.

На нем красный столбик. На столбике — фотокарточка юной девушки... Солдат пошатнулся. Сел рядом со столбиком. Снял пилотку.

Первый раз за четыре мучительных года по исхудавшим щекам покатались горькие жемчужные капли... Долго сидел солдат. Угахви...

Пухом ли тебе земля?!

Только добра желала ты людям.

Горька война. Не только на поле боя, но и в тылу погибали за Родину...

Кружится вокруг задумчивой березы ветер; собственная тень ее обходит. Когда солнечно, по стволу из старого сучка, как слеза, течет сок. Пахнет корой, в груди щекочет. А станет холодно, береза будет стоять недвижно и смирно.

Безмолвная береза эта, точно Угахви, в стужу, в тяжкие минуты, скрепя сердце, прячет слезы. Лишь на солнце согревается ее душа, вспоминается тягостная судьба, и невольно хочется плакать...